

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

В. К. ЧИЧАГОВ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

(К выходу в свет первого научного издания новгородских грамот на бересте)*

1

В 1951 г. отряд советских археологов, возглавляемый проф. А. В. Арциховским, открыл в Новгороде новый вид древнерусской письменности — письменность на бересте. В раскопе на территории бывшей Холопней улицы было найдено десять берестяных документов («грамот») — неопровержимое свидетельство того, что в древнем Новгороде береста широко употреблялась в качестве материала для письма.

Найденные в Новгороде берестяные документы («грамоты») отличались от ранее известных древнерусских памятников письменности — на пергамене и на бумаге — не только тем, что они были написаны на ином материале. Письменность на пергамене и на бумаге по содержанию и по языку была письменностью по преимуществу книжной, церковнославянской или деловой, канцелярской. Основными видами памятников этой письменности являются книги религиозно-нравственного содержания и документы официального значения. Письменность же на бересте и по содержанию, и по языку была письменностью по преимуществу бытовой. Она обслуживала личные нужды древних новгородцев. Главными видами памятников этой письменности являются частные письма и записи. Практическая ценность этих документов, по сравнению с книгами и официальными документами, была быстропроходящей, поэтому они, как заметили археологи, в архивах не хранились. Новгородцы уничтожали их или рвали и выбрасывали там, где придется. Это, вероятно, и явилось главной причиной того, что о существовании в древней Руси письменности на бересте науке стало известно с большим опозданием.

Лингвистическое значение берестяных грамот еще не определено в полной мере, однако в некоторых отношениях оно ясно и теперь: язык берестяных грамот не менее древен, чем язык уже давно известных науке новгородских грамот, написанных на пергамене. Очень важно также, что живая повседневная древнерусская речь представлена в берестяных грамотах гораздо точнее, нежели в каких-либо других видах древнерусской письменности.

* А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1951 г.)— М., Изд-во АН СССР, 1953, 68 стр. + 15 вкл.

Вполне понятно поэтому, что историки русского языка следили (и следят) за сообщениями о ходе новгородских раскопок с большим интересом. На первые же, предварительные, публикации грамот они откликнулись специальными статьями, в которых не только высоко оценили грамоты как новый источник истории русского языка, но и предложили ряд ценных наблюдений над их текстами и языком¹. Таким образом, уже с момента предварительной публикации новгородские грамоты на бересте были введены в обиход советской лингвистической науки.

Изучение берестяных грамот производилось до сих пор по текстам, опубликованным А. В. Арциховским в журналах «Вопросы истории» (№ 12 за 1951 г.) и «Вестник Академии наук СССР» (№ 12 за 1951 г.). Хотя в указанных журналах ряд текстов был издан вполне исправно, однако, по словам самого издателя, публикации эти являлись лишь «предварительными сообщениями». Поэтому некоторые из берестяных документов не вошли в эти сообщения совсем (см. об этом ниже), а некоторые документы были опубликованы не полностью; орфография подлинников была соблюдена только в грамотах, изданных в прорисях. Вот почему нельзя не приветствовать новое, более совершенное издание новгородских грамот на бересте, включающее в себя все найденные в 1951 г. берестяные документы и воспроизводящее их с большой точностью.

2

Книга, представляющая собою первое научное издание новгородских грамот на бересте, найденных при раскопках 1951 г., состоит из трех разделов. Первый из них «Введение» и третий (он же последний) «Стратиграфическая датировка грамот и надписей» написаны руководителем экспедиции проф. А. В. Арциховским (стр. 3—10, 51—62). Второй, основной, раздел издания называется «Грамоты и надписи». Он содержит издаваемые памятники, а кроме того — палеографическое описание их и комментарий к ним, составленные известным знатоком и издателем памятников древнерусской письменности профессором, ныне академиком М. Н. Тихомировым (стр. 11—50). В конце книги приложен «Указатель к словам, имеющимся в грамотах и надписях».

В разделах, написанных А. В. Арциховским, сообщаются, в основном, сведения археологического характера. Во «Введении» А. В. Арциховский очень коротко, но ясно и точно, с приведением планов и чертежей, рассказывает о месте открытия берестяных грамот на территории Новгорода («Неревский конец»), о том, как производились раскопки, как были открыты берестяные грамоты. Характеризуя найденные памятники с точки зрения материала, на котором они написаны, автор «Введения» указывает, что «А. И. Соболевский ошибался, думая, что древние грамоты, написанные на бересте, не дошли до нас „по причине ее крайней непрочности“». Найденные теперь грамоты, безусловно, прочнее не только бумажных, но и пергаменных; дело лишь в том, что в архивах подобные частные письма и записи не хранились» (стр. 6)². Замечательной особенностью

¹ См. статьи: В. И. Борковский, Драгоценные памятники древнерусской письменности и Ф. Ф. Кузьмин, Новгородская берестяная грамота № 9 («Вопросы языкознания», 1952, № 3).

² В тексте в скобках даем ссылки на страницы книги А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова.

В статье нами приняты следующие сокращения: «Акты соц.-экон. ист.» — «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I, М., Изд-во АН СССР, 1952; «Акты феод. земл.» — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I, М., Изд-во АН СССР, 1951;

найденных грамот является также то, что они написаны не чернилами, а «процарапыванием, что обеспечило им значительно большую сохранность» (стр. 6). А. В. Арциховский правильно указывает далее, что грамоты представляют научную ценность не только для историков, но и для филологов, «тем более, что речь здесь не книжная и не канцелярская, а самая непринужденная» (стр. 9). Новгородские находки интересны, по мнению исследователя, и тем, что «они лишний раз опровергают распространенный предрассудок, будто грамотность в древней Руси была привилегией духовенства. Мы видим теперь, — пишет А. В. Арциховский, — что рядовые светские новгородские граждане писали друг другу письма по бытовым вопросам, и подобных писем, очевидно, было много, судя по количеству случайных находок в разных слоях небольшого раскопа» (стр. 40). О «широком распространении грамотности» в Великом Новгороде свидетельствуют, по мнению автора, и надписи на предметах, которые публикуются в том же издании как «естественное дополнение к публикации грамот».

Приходится пожалеть, что А. В. Арциховский не остановился на том, кто были новгородские граждане, писавшие друг другу письма, а также на том, кем были написаны письма этих граждан, между тем у исследователя могли быть по этому поводу свои особые соображения; большой интерес они представляли бы и для филологов.

Вторая статья А. В. Арциховского посвящена изложению и обоснованию археологических принципов датировки открытых во время раскопок памятников письменности, в частности — берестяных грамот. Об устанавливаемых в этой статье датах для отдельных памятников см. ниже.

3

В основной части издания — в разделе «Грамоты и надписи» — прежде всего, как уже упоминалось выше, публикуются новые памятники письменности. Под названием «грамот» в издании помещены две деловые записи («Запись о поземе и даре» — № 1 и «Запись о мехах» — № 2), семь частных писем («Письмо от Гришки к Есифу» — № 3, «Письмо от Микиты к Церту» — № 4, «Письмо к Матфею» — № 5, «Письмо от Филипа» — № 6, «Письмо о Коромане» — № 7, «Письмо о корове» — № 8, «Письмо от Гостяты к Василью» — № 9) и одна «Грамота (надпись) на ободке сосуда» (№ 10). Надписей публикуется девять: на моржовой кости (№ 1),

«Арх. Стр.» — «Архив П. М. Строева», Пг., т. I — 1915, т. II — 1917; «Гр. Вел. Новг.» — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», под ред. С. Н. Валка, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1949; «Дух. и дог. гр.» — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950; «Кар. в XVII в.» — «Карелия в XVII веке. Сборник документов», сост. Р. Б. Мюллер, под ред. А. И. Андреева, Петрозаводск, Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1948; «Новг. лет.» — «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», М. — Л., Изд-во АН СССР, 1950; «Пск. лет.» — «Псковские летописи», вып. 1, М. — Л., Изд-во АН СССР, 1941; «Писц. кн.» — «Новгородские писцовые книги, изданные Имп. Археографическою комиссиею», т. III («Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года»), первая половина, СПб., 1868 и т. VI («Книги Бежецкой пятины»), СПб., 1910; Тул. — Н. М. Тупиков, Словарь древнерусских личных собственных имен. («Записки Отд-ния русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества», т. VI), СПб., 1903; Голуб. — Е. Е. Голубинский, История русской церкви, т. 1, 2-я половина тома, в кн. «Чтения в О-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те», 1904, кн. 3; «Мат-лы для изуч. великор. гов.» — «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. IX («Сборник Отд-ния русского языка и словесности Имп. Акад. наук», т. LXXXVII, № 5), СПб., 1910; Подвысоц. — А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия, СПб., 1885; Чаев — Н. С. Чаев, Северные грамоты XV в., в кн. «Летопись занятий Археографической комиссии. 1927—1928 годы», вып. XXXV, Л., Изд-во АН СССР, 1929.

на деревянном цилиндре (№ 2), на деревянной крышке кадушки (№ 3), на нижнем венце сруба (№ 4), на медной пластинке (№ 5), на днище бочки (№ 6), на аршине (№ 7), на деревянной колодке (№ 8), на чаше (№ 9).

Сохранность публикуемых памятников различна. Некоторые из грамот дошли в полном виде, от некоторых сохранились лишь небольшие отрывки, состоящие всего из нескольких слов. Самыми большими по объему являются деловые записи. Размер писем, даже дошедших в полном виде, небольшой. Это скорее «записки», чем «письма». Самое большое письмо — от Гостяты к Василью — состоит из нескольких предложений. Большинство надписей сохранилось хорошо; плохо читаются лишь две: № 7 и № 8 (начало). Текст надписей в большинстве случаев состоит из одного слова, надпись № 7 — из двух слов, надпись № 2 — из нескольких слов и надпись № 4 (на нижнем венце сруба) — из одной буквы. Большая часть памятников, как указывалось выше, была уже опубликована. Тексты некоторых памятников — №№ 1, 4, 7, 8 — публикуются впервые в настоящем издании.

Научное издание памятников осуществлено следующим образом. Все памятники воспроизводятся прежде всего фотографически на особых вкладных листах. Тексты по фотографиям, за исключением мест попорченных или поврежденных, читаются довольно хорошо. Из надписей наиболее трудно читаются две, уже упомянутые выше (см. вкладку после 48 стр.). Фотографии памятников, как правило, вполне пригодны для различного рода научных наблюдений. Однако при чтении фотографий необходимо учитывать, что береста, на которой написаны соответствующие тексты, «имеет природные трещины, изгибы, черточки и точки на ее поверхности, которые могут быть приняты за буквы или части букв, а также за разделительные знаки. Кроме того, следует иметь в виду возможность появления случайных штрихов, сделанных во время нанесения букв на бересту. Эти особенности грамот на бересте нельзя полностью показать на фотографиях. Поэтому, кроме фотографий, в издании всюду прилагаются прориси, тщательно сделанные М. Н. Кисловым и проверенные по подлинникам» (стр. 14).

Прориси памятников, помещаемые на вкладках рядом с соответствующими фотографиями, действительно, выполнены с большим старанием и тщательностью. Они, как правило, точно передают не только начертания отдельных букв, но и общий стиль письма. Имеются и недосмотры. Например, в прориси надписи на деревянной колодке (№ 8) вместо буквы «зело» (см. фотографию и описание) дана только нижняя часть этой буквы, совпадающая по начертанию с буквой «земля». В прориси надписи на деревянном цилиндре (№ 2) не передан надстрочный знак над буквою *ц* и титло над цифрой *г*. Судя по описанию, неправильно передано начертание *и*. В прориси грамоты № 1 знак *у* перед словами *(Р)афанова села* (стр. 20) не согласуется с тем, что видно на этом месте на фотографии. По мнению М. Н. Тихомирова, эта буква «ближе всего... напоминает *р*» (стр. 17) (см. об этом также в следующей нашей заметке).

Кроме прориси, текст каждого документа передается современными буквами «с сохранением орфографии и расположения по строкам». Наконец, четвертый раз текст документа воспроизводится «с разделением на слова и со знаками препинания по современной орфографии (однако с соблюдением буквы *ъ* в середине слова)» (стр. 15). Таким образом, в издании сделано, кажется, все возможное, при этом с соблюдением необходимой осторожности, для того чтобы документы были понятны читателям.

Грамоты расположены в издании в том порядке, в каком они были открыты, т. е. в порядке, обратном по отношению ко времени их появления на свет. Это расположение, совершенно необходимое в отчете о раскопках,

вряд ли отвечает интересам настоящего издания. В частности, оно не позволило автору интересного и ценного для науки палеографического описания, являющегося, в сущности говоря, первым опытом палеографии берестяной письменности, — представить описываемые им явления в исторической последовательности, а может быть, и преемственности.

4

В чтении памятников М. Н. Тихомиров, в основном, не расходится с А. В. Арциховским. Наиболее существенные расхождения сводятся к следующему. В грамоте № 9 имя собственное Гостята М. Н. Тихомиров склонен понимать как женское имя: это предположение, по его мнению, «наиболее правдоподобно объясняет содержание письма» (стр. 41). А. В. Арциховский полагает, что имя Гостята — мужское, и автором письма является, следовательно, не женщина, а мужчина. В основу этого мнения положены следующие соображения: во-первых, «летописи и иные источники содержат много имен на *-ята*, все это имена мужские». Во-вторых, «женские имена у всех народов отличаются по окончаниям от мужских. Имена на *-ята* были в древнем Новгороде столь распространены, что мы явно имеем здесь дело с какой-то языковой нормой, едва ли допускавшей двусмысленность»³.

Первый из этих доводов подробно рассмотрен Ф. Ф. Кузьминым в указанной выше его статье. Ф. Ф. Кузьмин справедливо пишет, что хотя все дошедшие до нас древнерусские имена на *-ята* принадлежали мужчинам, однако из этого не следует, что «автор письма — Гостята — не женщина» (стр. 138). Древнерусских женских имен, с чем согласен и А. В. Арциховский, дошло до нас вообще очень мало. Между тем по образованию своему имя Гостята может быть мужским и женским. «Содержание грамоты, с своей стороны, полностью подтверждает авторство женщины» (стр. 139). Что касается второго соображения А. В. Арциховского, то следует иметь в виду, что как раз именно в ономастике, по крайней мере русской, древней и теперешней, совпадение между словами, т. е. между личными именами мужчин и женщин, может быть полное. В этом нетрудно убедиться, раскрыв «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова. Здесь показано, например, что древнерусское имя, образованное от того же корня, что и Гостята, — Гостена употреблялось и как личное имя мужчины («Гостена, холоп... 1506 г.», стр. 173), и как личное имя женщины («Гостена, холопка... 1506 г.», стр. 516). Точно так же имя Малюта могло быть и мужским, и женским (ср. Малюта Скуратов и «Федорица Малюта, холопка... 1518 г.», стр. 517). Можно привести и другие древнерусские имена, общие для мужчин и женщин. И в наше время некоторые имена, например Шура, Женья, Валя, Паня, могут быть мужскими и женскими.

С мнением, что имя Гостята — женское имя, трудно не согласиться, в частности, потому, что фразу этого письма: *пустил же мя, а иную поля*, т. е. «(он) отпустил (оставил) меня, а иную (другую) взял», могла написать о себе только женщина. Мужчина, который имеется здесь в виду, глава семьи, не мог взять в дом *иную*, т. е. другую женщину, да еще замуж (*поля*), вместо сына, если предположить, что автором письма был обездоленный своим отцом сын. Важное значение для правильного понимания этого места, наряду с параллелью к нему из канонических ответов XI в., приведенной М. Н. Тихомировым (стр. 41), — имеет также

³ А. В. Арциховский, Раскопки 1951 г. в Новгороде, «Советская археология», XVIII, М., 1953, стр. 360 — 361.

следующий, текстуально почти совпадающий с указанным местом, параграф Устава митрополита Георгия (XII в.): «Аще кто свою же ну пу ст и в ъ, а и ну ю по и мет ъ, постъ 2 лѣта...» (Голуб., стр. 544; рядка моя.— В. Ч.).

Второе расхождение между М. Н. Тихомировым и А. В. Арциховским относится к той же грамоте и связано с разбивкой на слова следующего места: *избивъроукипустилъжемя* (строка четвертая). А. В. Арциховский читает приведенное место так: *изби, въ руки пустилъ же мя*, но не исключает возможности и другой разбивки: *избивъ руки, пустилъ же мя*, т. е. «избив по рукам, прогнал меня»⁴. В последнем издании текстов А. В. Арциховский передает указанное место без запятой: *изби въ руки пустилъ же мя*, а в комментарии пишет: «Слова *в руки пустил* не совсем понятны»⁵.

По мнению М. Н. Тихомирова, «Выражение *избивъроуки* следует сопоставить со словом *събитъ* — согнать, прогнать» (стр. 41). В связи с этим предлагается следующая разбивка текста: *и зби в руки пустил* (стр. 42). Усилия лингвистов, изучавших язык грамоты № 9 (см. указанные выше статьи В. И. Бороковского и Ф. Ф. Кузьмина), пока также не привели к общему пониманию этого места⁶. Таким образом, место это приходится считать не разъясненным.

Из других расхождений отметим следующее: первое слово в грамоте № 2 М. Н. Тихомиров читает Акуевъ (стр. 23, 24); А. В. Арциховский находит здесь два слова — А Екуевъ⁷. В чтении надписей М. Н. Тихомиров или не расходится с А. В. Арциховским, или приводит чтение последнего. Одна из надписей (№ 9) оставлена без объяснений (о ней см. ниже).

В публикуемых документах имеются и другие места, чтение которых нельзя признать окончательным. Остановимся на двух из таких мест. В грамоте № 1 («О поземе и даре») вторая половина одиннадцатой строки читается в издании так: *Фоме 4 ваци солоду----а 4 каде--2 ка* (строка на этом кончается). Здесь вызывает сомнение слово, принимаемое за *ваци*. И у издателя возникала мысль о том, что, может быть, «это место прочитано неверно, или вкралась описка писца записи» (стр. 19). Обратимся еще раз к фотографии и прориси указанного места. По нашему мнению, в начале слова, принимаемого за *ваци*, стоит не буква *в*, а буква *к*. Последняя была принята за *в* потому, что какая-то случайная линия в верхней ее части, может быть, имевшаяся на бересте, была принята за верхнюю линию буквы *в*.

В том, что в указанном слове первую букву следует читать как *к*, убеждает следующее. Во-первых, буква эта, в отличие от *в*, не имеет ни на фотографии, ни на прориси линии основания. Во-вторых, верхняя часть этой буквы не уже ее нижней части, между тем как у обычной для грамоты буквы *в* верхняя часть (верхняя линия), как правило, вдвое уже ее нижней части (линии основания). В-третьих, линия, принимаемая за верхнюю линию *в*, выходит за пределы линии, принимаемой за верхнюю боковую ли-

⁴ А. Арциховский, Новые открытия в Новгороде, «Вопросы истории», М., 1951, № 12, стр. 83; е го же, Археологические открытия в Новгороде, «Вестник АН СССР», М., 1951, № 12, стр. 66.

⁵ А. В. Арциховский, Раскопки 1951 г. в Новгороде, стр. 359 и 360.

⁶ По мнению Р. Якобсона [R. Jakobson, Vestiges of the earliest Russian vernacular, «Word», New York, 1952, № 4 («Slavic Words», № 1), стр. 353], форма *руки* в указанном месте «не является винительным падежом множественного числа, но обычным родительным/разделительным, зависящим от глагола *пустити*». Он переводит этот родительный/разделительный творительным падежом: «он пзбавилсѧ от меня (= сбыл меня с рук) своей рукой (-ами)». Все это требует обоснований, которых в статье, к сожалению, не содержится.

⁷ А. Арциховский, Новые открытия в Новгороде, стр. 80.

нию буквы *в* справа — П, тогда как в обычной для грамоты букве *в* этого никогда не бывает. Наоборот, наблюдается другое: боковая линия, образующая верхнюю петлю *в* справа, обычно выходит за пределы верхней линии или, точнее, начинается выше этой линии, т. е. пишется так: П. Из сказанного следует, что линия, принимаемая в рассматриваемой букве за верхнюю линию *в*, в действительности случайного происхождения, а в целом рассматриваемая буква является не буквой *в*, а буквой *к*.

Итак, слово, о котором идет речь, следует читать не *ваци*, а *каци*, т. е. *каци*⁸. Это то же самое слово, которое находится в той же строке по соседству в форме родительного падежа множественного числа — *кадець*. Слово это легко читается по прориси и труднее по фотографии (в издании дается только *каде...*). Начало того же слова имеется на той же строке и дальше, после числительного $\bar{в}$. ($\bar{в}$ -ка — на этом строка обрывается)⁹.

Если вместо *каде...* в интересующем нас месте читать *кадець*, то букву, обозначающую цифру, придется прочесть как $\bar{л}$, так как $\bar{д}$ (четыре) не управляло родительным падежом множественного числа. Слово, предшествующее числительному $\bar{л}$, можно было бы прочесть *овса*: две последние буквы этого слова по прориси читаются легко; верхняя часть предшествующей им буквы может относиться к *в*¹⁰. Таким образом, всю вторую половину одиннадцатой строки предлагается читать так: *Фоме $\bar{д}$. кадьци солоду + овса $\bar{л}$. кадець $\bar{в}$. ка (ци)...*¹¹

Еще об одном месте в той же грамоте. С лингвистической точки зрения вызывает сомнение чтение на восьмой строке слов: *А з Ваби nichъ (се)ла*. Сомнительно здесь *з* вместо *с* перед следующим *в*, в связи с чем возникает потребность обратиться к прориси и фотографии. В прориси в начале приведенного названия села стоит буква, которую, действительно, трудно не прочесть как *в*, однако на фотографии здесь находим букву, не похожую на обычное для грамоты *в*. Первая буква слова, принимаемого за *Ваби nichъ*, по начертанию ничем не отличается от ряда начертаний буквы *б* в той же грамоте; ср., например, два предшествующих начертания той же буквы. Верхняя линия этой буквы не уже ее нижней линии (линии осно-

⁸ Буква *ц* вместо *дъц* или *дц* писалась в слове *каци* согласно живому произношению. Такое употребление *ц* встречается и в других, уже давно известных, новгородских грамотах. Ср., например: *новогороци при новгородъци* («Гр. Вел. Новг.», стр. 55, 56).

⁹ Отметим, что слово *кадца* — *каца* в значении «кадка» широко бытовало в северных горах в XIX в., широко бытует и теперь. Ср., например, олонечкое *каця*, *кацяц*, вологодское *кацца*, *кацяц* («Словарь русского языка, сост. Вторым отд-нием Имп. Акад. наук», т. IV, вып. 2, СПб., 1908, стр. 73—74; «Диалектологический сборник», II, под ред. А. С. Ягодникова, Вологда, 1941, стр. 89).

¹⁰ В Новгородской летописи слово *кадь* употребляется тогда, когда речь идет о ржи, об овсе и о пшенице.

¹¹ Слог *ци* отойдет к началу следующей — двенадцатой строки. О восстановлении текста этой строки. О первой ее части М. Н. Тихомиров пишет: «Утеряно все начало строки, примерно 17 букв» (стр. 18). Две буквы — начальные — из этих семнадцати нам известны: это упоминаемый выше слог *ци*. Установлены М. Н. Тихомировым две конечные буквы из этих семнадцати: это начало слова, конец которого читается так же как *ци*, следовательно — *ва* или, по-нашему, — *ка*. Форма *каци* заставляет предполагать, что перед ней из количественных числительных до десяти может находиться одно из трех: $\bar{в}$, $\bar{г}$ или $\bar{д}$. Обозначение цифры в контексте занимает место двух-трех букв. Таким образом, из семнадцати букв неизвестными остаются десять. Из контекста видно, что они должны были составлять название подати, измеряемой кадами, следовательно, это название зернового хлеба. По количеству букв, а также принимая во внимание зерновой хлеб, который в Новгороде измерялся ка д я м и (см. предшествующую сноску), для этого места более всего подходило бы слово *пшеницы*. Но в этом слове только семь букв, а не десять. Однако две буквы — *и* и *ы* — должны были занять место трех-четырех букв. Неясными остаются одна-две буквы. Их могло и не быть: на утраченном месте могло находиться не семнадцать, а шестнадцать или пятнадцать букв.

ванья), что, как мы уже говорили выше, не характерно для начертания *в* в грамоте. Интересующая нас буква, как и ряд других начертаний *б* в этой грамоте, имеет небольшую черточку, идущую кверху от правого конца верхней линии (5). Именно эта-то черточка, принятая за начало линии, образующей у буквы *в* петлю справа, и ввела в заблуждение исполнителя прориси. Но главное отличие начальной буквы в названии села от буквы *в* состоит в том, что у последней линия, образующая верхнюю петлю справа, как правило, доходит до нижней линии (линии основания), тогда как в интересующей нас букве линия, принимаемая за верхнюю боковую линию *в*, если и имеет некоторое продолжение вниз от верхней линии, то продолжение это не достигает линии основания; даже на прориси оно доходит только до верхней линии нижней петли. Итак, место, о котором идет речь, следует читать: *А з Бабинихъ (се)ла...*; буква *з* перед следующей за нею буквой *б* объяснений не требует.

5

Об одном месте в грамоте № 8. Конец второй и начало третьей строки этой грамоты передаются в издании в последнем чтении так: *о ж а л о ч ь и ш и и к о р о в ь*. Первая часть этого места неясна и по смыслу и по форме, вторая часть неясна только по форме. Нельзя ли читать это место по-другому?

На прориси и на фотографии буква, идущая после *л* в *о ж а л о ч ь и ш и и* и читаемая в издании как *о*, имеет вверху усики. На фотографии эти усики приблизительно вдвое больше, чем на прориси. Между тем в других начертаниях буквы *о* таких усиков не имеется. Еще более важное значение имеет то обстоятельство, что усики эти писаны отдельным приемом и не являются продолжением встречающихся вверху овалов буквы *о*, как это показано на прориси. На этом основании мы полагаем, что в данном написании следует видеть букву *у* (эта буква вообще не имеет в грамоте одного устойчивого начертания). Если первую часть интересующего нас места прочитать как *о ж а л у ч ь и ш и*, то, естественно, возникнет желание разделить ее на два слова: *о ж а* и *л у ч ь и ш и*. Второе из этих слов не требует дополнительных разъяснений. Что касается первого, то оно может быть диалектной формой древнерусского *о ж е*, если только после *ж* написана здесь буква *а*, хотя в грамоте эта буква пишется иначе. На фотографии здесь получилась буква, похожая скорее на *ъ*. Если эта буква и на самом деле является *ъ*, то тогда это слово следует читать как *о ж е*: *ъ* вместо *е* написан и ниже в слове *в ь з и*.

Чтение указанного места как *о ж е л у ч ь и ш и* заставляет следующее за ним слово читать как *к о р о в ь а* (родительный падеж от собирательного «коровье»), в связи с чем в *а* перед словом «едеши» приходится видеть не союз, а окончание. Ср. севернорусское «коровье» (быв. Онежский уезд, Благовещенская волость) («Мат-лы для изуч. великор. гов.», стр. 5).

Сочетание *о ж е л у ч ь и ш и к о р о в ь а* представляет собою вторую часть сравнительной конструкции. В предшествующем контексте предполагается наличие первой части сравнения. Поэтому место, предшествующее *о ж е* и читаемое в издании — *д а м о л о в и е м у*, предлагаем читать: *д а м о л о в и е м у*, т. е. «дам ловы ему». Буква *о* вместо *ъ* пишется и в некоторых других берестяных грамотах, помещенных в книге. Что касается формы *л о в и* вместо *л о в ы*, то употребление в винительном падеже множественного числа форм, сходных с именительным падежом того же числа, в древнерусских грамотах исследователями отмечалось¹². Итак, вторую половину второй

¹² См., например, труд В. И. Борковского «Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение)», изд. Львов. ун-та, 1949, стр. 371.

строки и начало третьей предлагается читать так: «(Я) дам ловы ему, что лучше коровья».

Необходимо остановиться еще на слове *ловы*. В каком значении употреблено здесь это слово? Под *ловами* в приведенном контексте можно понимать и «уловы рыбы» (ср. архангельское: «ловы — уловь»; «Ловы нонь как слѣдовае, рыбки море уродило. Подвысоц., стр. 83), и «места ловли» (рыбы, зверей). Против второго понимания слова *ловы* могут быть сделаны возражения. Могут указать на то, что в новгородской письменности места ловли называются обыкновенно *ловищами*. Это, конечно, верно. Однако отсюда не следует, что в жи в ой новгородской речи не было в употреблении формы *ловы*. На возможность существования такой формы у новгородцев указывает наличие ее в западной письменности. Например, в «Старинных описях литовской метрики» читаем: «Декрет тивуну Виленскому... о пушчу и ловы въ Себранехъ». Или: «Декрет... о ловы зверынные и гоны бобровые во Друцьку...»¹³ Ср. также в «Писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств»: «Thamsze przy thym syelye Glynny drzewa barthnego, jazow, hathow, rzek, bloth y wsselyakych r y b n u c h l o w o w...». Или: «...w rzekach r y b n u c h l o w o w...» (разрядка моя. — В. Ч.)¹⁴

Отметим, что о случаях обмена земельных угодий, в частности — рыбных ловищ, на крупных домашних животных известно и из других древнерусских грамот. Например, в одной северной грамоте 1498 г. (купчей) говорится о том, что «Юрье Филиповъ сынъ» купил у «Ондрѣя Микивора сына» различные земельные угодья, среди которых названы и «ловища воды». «Даль Юрье на той земли к о н ь» (Чаев, стр. 164; разрядка моя. — В. Ч.).

Иначе, нежели предлагается в издании, могут быть прочитаны и некоторые надписи на предметах. Например, надпись на деревянной колодке (№ 8) принято читать как *мнези*. По мнению А. В. Арциховского, «надпись является именем или прозвищем заказчицы» (стр. 48). Возможность такого чтения, конечно, не исключена, однако вряд ли древнерусский сапожник для каждой заказчицы делал особую колодку, да еще вырезал на ней имя этой заказчицы. И в лингвистическом отношении такое чтение не очень убедительно: неясно, как понимать это имя или прозвище? Не следует ли читать надпись по-другому?

Обращает на себя внимание размер и положение буквы «зело» в надписи. (В прориси, как уже упомянуто выше, вместо этой буквы ошибочно написана буква «земля».) Буква «зело» в надписи почти вдвое больше других букв, а кроме того, от предшествующих ей букв, как и от следующего за ней конечного *и*, она отделена гораздо значительнее, нежели отделены друг от друга буквы, предшествующие букве «зело». Это позволяет предположить, что буквой «зело» здесь обозначен не отдельный звук, а самостоятельное слово — цифра 6, в связи с чем всю надпись можно было бы читать так: *м(е)не 6-и*, т. е. «меньше шести» таких-то единиц меры. Надпись могла иметь, следовательно, профессиональное значение и указывать на размер обуви, которая изготовлялась по этой колодке¹⁵.

¹³ «Старинные описи Литовской метрики», в кн. «Летопись занятий Археографической комиссии. 1888—1894 годы», вып. XI, СПб., 1903, отдел II, стр. 47 и 64.

¹⁴ «Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостой Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 гг.», Вильна, изд. Виленской археографической комиссии, 1884, стр. 309 и 284.

¹⁵ Р. Я к о б с о н в указанной выше статье предлагает читать надпись как *Мнени* (*сапоги*), ссылаясь на древнечешское *Мнен* из *мън* «меньший» (стр. 351). Однако это чтение не может быть принято потому, что четвертая буква в надписи не неизвестна, как полагает автор статьи (в статье вместо этой буквы поставлена точка: *мне. и*), а читается как буква «зело».

6

Некоторые места берестяных документов читаются в издании предположительно. Например, о начале строки четвертой в грамоте № 2 в комментарии говорится: «В тексте четко читается *игугмор*; здесь можно предположить испорченное место, может быть непонятное название или личное имя...; при этом следует иметь в виду, что конечное *о* могло быть поставлено, как и далее, вместо *ъ*» (стр. 22). В тексте записи с разделением на слова, т. е. в последнем чтении, это место приводится в таком виде: «Игугмор на Волоки куница» (стр. 25). С таким чтением, предлагаемым М. Н. Тихомировым, в основном, нельзя не согласиться. Мы предложили бы только на *Волоки* читать как одно слово — *наволоки* (местный падеж от слова «наволок»), а в сочетании *Игугмор наволоки* видеть, в свою очередь, одно сложное слово — топонимическое название *Игугмор-наволоки* (местный падеж от «Игугмор-наволок»). Дело в том, что в прошлом на территории нынешней Карелии и соседних с нею областей топонимические названия со второй частью *наволок* применялись очень широко. Ср., например: Кузнаволок, XV в. («Гр. Вел. Новг.», стр. 300); Уг-наволок, Пергь-наволок, XVI в. («Арх. Стр.», I, стр. 479); «в деревни Ваче-Наволоки», 1663 г. («Кар. в XVII в.», стр. 155); «на Мусть-наволоке», 1660 г. (там же, стр. 142); «в деревни в Корб-Наволоки», 1694 г. (там же, стр. 348); «дорога... на Свят-наволок», 1664 г. (там же, стр. 173).

Большое количество подобных названий представлено и на современной этнографической карте Карелии и областей, смежных с нею. Среди этих названий находим: Кузнаволок, Святнаволоцкий (сельсовет). Здесь имеется и название, в фонетическом отношении более или менее близкое к интересующему нас слову — *Гумар-наволок*¹⁶.

Что касается первой части названия Игугмор-наволок, то она представляет собою личное имя. Такие имена, на *-мор*, в Новгородской земле употреблялись. Например, в писцовых книгах Бежецкой пятины встречается отчество Игоморов («...сь Останею с -Бывановымъ сыномъ Игоморова...» — «Писц. кн.», т. VI, стр. 40, ср. также на стр. 295), образование которого от личного имени Игомор не может вызывать никаких сомнений.

7

В публикуемых в издании документах имеются такие места, которые оставлены без объяснений. Например, по поводу совершенно несомненного в отношении буквенного состава места в грамоте № 2 — *сохздаль* — в комментарии говорится: «Слова у *Фоме сохздаль* остаются без объяснения, хотя слово *соха* в различных значениях известно с давнего времени» (стр. 24). При чтении указанного места, как нам представляется, должны быть приняты во внимание следующие особенности этого документа. В нем, во-первых, имеется большое количество таких личных имен, которые указывают на нерусское происхождение их носителей: Аекуевъ, Вельязъ, Воземутъ, Вихтимасъ, Вѣлютъ, Вѣлютовы, Лопинковъ и, может быть, некоторые другие. Эти имена указывают на то, что документ, о котором идет речь, относится к территории с нерусским населением. Следует отметить, что носителями и русских имен, встречающихся в этой грамоте, могли быть нерусские люди. Например, Фомой (имя, употребленное в грамоте дважды) мог называться и «чудин»; ср.: «Яхно Чюдинъ Фомкинъ сынъ... 1500 г.» (Туп., стр. 487). Вторая особенность этой грамоты состоит в том, что в ней содержатся ошибки, не совсем обычные для

¹⁶ См. Д. А. Золотарев, Этнический состав населения сев.-зап. области Карельской АССР, Л, Изд-во АН СССР, 1927 (на обл.: 1926), Приложение.

русского писца: *ѣ.куница* вместо «куницы», *росомуха* вместо «росомаха» или «росомака» (как писали в документах XVI—XVII вв.), *воликомо* вместо «великом». Третьей особенностью грамоты является наличие в ней темных мест, хотя буквенный состав этих мест можно разобрать отлично. Одним из таких темных мест является и приведенное выше *сохудаль*. Названные выше обстоятельства заставляют думать, что грамота не только относится к территории с нерусским населением, но и писана нерусским писцом, может быть «чудином». Этому предположению нисколько не противоречит указание М. Н. Тихомирова на то, что «характер написания букв не имеет никакой связи с письменными документами на латинском языке, относящимися к XIV—XV вв.» (стр. 22). Положительные же наблюдения исследователя («Близких аналогий в русской письменности XIV—XV вв. начерки записи не имеют») скорее подтверждают указанное предположение, нежели противоречат ему.

В связи с сделанным предположением темное место *сохудаль* представляется возможным понимать как нерусскую передачу употребительного в языке русской канцелярской письменности, в частности — новгородской (см., например, «Писц. кн.», т. III, стр. 15), слова *охудаль*. Ср. также в письменности более поздней: «собраны денги с охудалых с 50-ти з дворов» (XVII в.). Предложенное понимание написания *сохудаль* хорошо согласуется с содержанием грамоты. В грамоте (в первой ее половине) плательщики перечисляются в нисходящем порядке в зависимости от размера уплаченного ими дара: вначале названо лицо, внесшее наибольший дар — белую россомаху, далее идет лицо, дар которого составляют три куницы, далее названо лицо, внесшее две куницы, и только на четвертом месте идет речь о Фоме (втором в грамоте), который внес дара всего одну куницу, причем дается объяснение, почему он внес меньше лиц, перечисленных до него: потому что «охудал» или «захудал», т. е. разорился.

Из надписей без объяснений оставлена надпись № 9 (на чаше). Она состоит из одного слова *смова* и читается по фотографии прекрасно. В этом написании можно видеть сокращенное на одну букву (вследствие того, что писец не рассчитал места — см. фотографию) новгородское слово *смола*, т. е. переговоры о мире, согласии. Ср. в Новгородской летописи: «В лето 6871. Прихаша послове нѣмечкыи, юрьевьскыи и велневидьскыи в Новѣгород на с м о л у с о плесковици...» (стр. 368). Слово это в виде *змова* известно в тех же приблизительно значениях в украинском языке: «уговор», «заговор»¹⁷. В значениях «сѣмирение», «мир» оно приводится в «Синониме славеноросской»¹⁸. Слово с указанным значением — «разговор о мире, согласии» как нельзя лучше подходило бы для надписи на чаше.

8

Несколько данных к лингвистическому комментарию. В книге «почти к каждому издаваемому документу сделаны необходимые пояснения, которые должны облегчить его понимание» (стр. 15). В этих пояснениях сообщаются очень ценные сведения исторического характера, иногда делаются и указания, относящиеся к орфографии и языку памятников.

Исчерпывающий лингвистический комментарий к грамотам будет возможен, конечно, тогда, когда они будут изучены и в текстологическом, и в лингвистическом отношениях. Такой комментарий — дело будущего. При-

¹⁷ См. Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, Гос. изд-во Украины, 1925, стр. 703.

¹⁸ См. П. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке, Киев, 1889, Приложение, стр. 31.

ведем некоторые данные, которые для этого комментария могут оказаться не лишними.

В грамоте № 2, как уже отмечалось выше, имеется значительное количество личных имен. О происхождении ряда из этих имен были сделаны запросы в академические учреждения Эстонии и Карелии. Ответы на эти запросы приводятся в комментарии (стр. 24). Некоторые имена из этого списка могут быть разъяснены — как лингвистические образования — и на материале памятников истории русского языка. К числу таких имен относятся, в частности: Лопинков(ъ), Вѣльют(ъ) (с прозвищем по отцу — Вѣльютовы) и Гостило.

Остановимся на каждом из этих имен.

Первое из них — Лопинков(ъ) — представляет собою прозвание по отцу. В XVII в. от той же основы возможно было образование Л о п и н ц о в (ъ): «И подьячему Михаилу, приехав в Лопские погосты... того торгового человека Омелку Лопинцова с товарищи... с понятными людьми поимать...» («Кар. в XVII в.», стр. 304). Употребительны были прозвания по отцу, образованные и от других имен с тем же корнем. Например: «Ивашко Л о п а к о в ъ, [новгородский] крестьянинъ, 1495 г.», «Федко Л о п а ч е в ъ, [новгородский] крестьянинъ, 1495 г.» (Туп., стр. 683). Ср. «Л о п а к ъ Карповъ, [новгородский] помещик... 1539 г.» (там же, стр. 287). Или: «Андрей Л о п а р е в ъ, [вологодский] подьячий, 1691 г.» (там же, стр. 683). Или: Л о п ы р е в (ъ) («Лопыревскою перегородою на вымолк двема полем Лопыревского села», 1506—1507 гг. «Акты феод. земл.», стр. 60). Ср. «Л о п ы р ь, холоп, XV в.» (Туп., стр. 287).

Корневая морфема *лоп-* выделяется во всех этих образованиях без затруднений. Она — та же самая, что и в древнем топонимическом названии — *Лопь*: «участок на Лопи промежи корильскими дѣтми». Или: «И се даша Клими... на Лопъ землю и воду и полъшей лес...» (из грамот XV в.). Прозвания, подобные прозванию Лопинковъ, образовывались и от названий других народов; ср. Чудь — Чудин — Чудинко — Чудинков — Чудинцев¹⁹.

Второе из указанных выше имен — Вѣльют(ъ), по мнению М. Н. Тихомирова (см. стр. 23), «близко соответствует» имени Вильяд Федков в новгородских писцовых книгах. Хотя имена эти, как показывают их написания, довольно сильно отличаются друг от друга, тем не менее предложенное сопоставление, повидимому, правильно. Приведем некоторые данные из памятников письменности, подтверждающие правильность этого сопоставления.

Одна из особенностей новгородской орфографии XIII—XV вв. состояла в том, что в употреблении смешивались буквы *e* и *n*²⁰. В связи с этим имя Вѣльют(ъ) грамоты № 2 (она датируется по палеографическим приметам концом XIV — началом XV в.) не может быть рассматриваемо в отрыве от ряда имен с основой *Вель-*, например:

В е л ь - я ш (ъ): «...Водкие пятины Корелские половины губному старосте Борису Вельяшеву», 1602 г. («Кар. в XVII в.», стр. 16); «Казаринка Вельяшевъ... 1602 г.» (Туп., стр. 242).

В е л ь - ю ш ъ, XIV—XV вв.²¹

¹⁹ Ср. названия: деревня Чудинкова, пустошь Чудинцево («Акты соц.-эк. ист.», стр. 116, 154).

²⁰ См. об этом: А. Шахматов, Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века, СПб., 1886; В. В. Виноградов, Исследования в области фонетики севернорусского наречия, вып. 1 («Известия Отд-ния рус. языка и словесности АН», т. XXIV, Пг., кн. 1 — 1922, кн. 2 — 1923).

²¹ А. Дювернуа, Материалы для словаря древнерусского языка, М., 1894, стр. 12.

В е л ь - ю ш а: «...а межа от Вельюшинъ земли...», серед. XV в. («Гр. Вел. Новг.», стр. 210).

В е л ь - я к (ъ): «Да старую межою долом... налевъ земля Можайская д(е)р(е)вни Вел(ъ)якова...», 1504 г. («Дух. и дог. гр.», стр. 398); «да половину земли Вельяковские», 1455—1466 гг. («Акты соц.-эк. ист.», стр. 197).

В е л ь - я д (ъ): «А с Вел(ъ)ядова 11 овчин...», 1-я пол. XV в. («Акты соц.-эк. ист.», стр. 157); «Вел(ъ)ядовской Ивашко», послух в Бежецком Верхе, 1480—1481 гг. (там же, стр. 369).

В е л ь - я н ь: «...в кельи понамарь старецъ Вельянь...»²².

Образования с *Вьль-* // *Вель-*, в свою очередь, нельзя не сопоставить с образованиями от основы *Виль-*. Основанием для этого является, во-первых, то, что в новгородских грамотах XIII—XIV вв. по наблюдениям А. А. Шахматова «кроме чередования букв *е* и *ь*... замечается чередование букв *и* и *ь*», хотя только в названиях местностей²³. В настоящей заметке речь идет об именах личных, а также о топонимических названиях, образованных от этих имен, т. е. о материале или тождественном с тем, о котором говорит А. А. Шахматов, или близком к нему. С другой стороны, имеются данные, указывающие на возможность написания *Вель-* и *Виль-* даже в именовании одного и того же лица. Например, в грамотах 1627 г. (правда, московского происхождения) пишется: «старосты Дружины Вельяшева» и «на Дружинино мѣсто Вильяшева» («Арх. Стр.», II, стр. 703, 698, 706 и др.).

Весьма возможно, что указанными выше обстоятельствами объясняются и различия между следующими именами (= написаниями):

В е л ь я к (ъ) (приведено выше) и В и л ь я к ь: «Вильякъ Лентиевъ, крестьянинъ Каргальского погоста, 1500 г.»; «Вильякъ Грихновъ, крестьянинъ Каргальского погоста, 1500 г.». Ср. также образование с другим суффиксом: «Вильяка Сидоровъ... 1500 г.» (Туп., стр. 142).

В е л ь я н ь (приведено выше) и В и л ь я н (ъ): «Гришка Вильяновъ, Тобольск. служил. человекъ (Литовск. строя), 1685 г.» (Туп., стр. 559).

В е л ь я д (ъ) (приведено выше) и В и л ь я д (ъ) (а может быть, и В и л ь я т (ъ)): «Вильяд Федков»²⁴. Ср. также Вилятово (Вильятово?) Чухченемской волости Двинского уезда²⁵.

Отметим также два имени, встретившиеся нам только с основой *Виль-*: «Вильячъ Ильинъ, крестьянинъ Каргальского погоста, 1500 г.» (Туп., стр. 142) и Вильют(ъ); ср.: «...лоскуть земли орамои на Вильютови...», втор. пол. XV в. («Гр. Вел. Новг.», стр. 249)²⁶.

Приведенный материал свидетельствует, по нашему мнению, о том, что имена Вѣльют(ъ) и Вильяд(ъ) образованы от одной основы, различия же между написаниями основ этих имен объясняются особенностями новгородской орфографии. Если это предположение правильно, то нетрудно

²² В. В. Майков, Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в., СПб., 1911, стр. 109.

²³ А. Шахматов, указ. соч., стр. 224. Вопрос об употреблении букв *и* и *ь*, а также *е* и *и* (см. текст статьи дальше), как и вопрос о фонетическом значении этих написаний в новгородской письменности, подробно рассматривается в указанном выше труде В. В. Виноградова.

²⁴ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров, Новгородские грамоты на бересте, стр. 23.

²⁵ См. «Описание актов, хранящихся в Археографической комиссии АН СССР» [с предисл. и под ред. А. И. Андреева], в кн. «Летопись занятий Археографической комиссии за 1927—1928 годы», вып. XXXV, Л., Изд-во АН СССР, 1929, стр. 237.

²⁶ Вопрос о фонетических явлениях, отражающихся в написаниях *Вель-*, *Виль-*, оставляем без рассмотрения (см. сноску № 23).

понять и различия, относящиеся к элементам *-ютъ* и *-ядъ* сопоставляемых имен. Элементы эти выступали в интересующих нас именах в значении суффиксов, чередовавшихся с другими суффиксами: *-яшъ*, *-юшъ*, *-якъ*, *-янъ*, *-ячъ*. Таким образом, сопоставление имен Вѣльютъ и Вильядъ в лингвистическом отношении представляется правомерным.

Приведенный материал показывает также, что имена с основой *Вьль-* // *Вель-* // *Виль-* имели в Новгородской земле широкое распространение. Они были областными новгородскими именами, как и образования от основы *Лоп-*: Лошинковъ и др. Это и понятно, если принять во внимание, что имена эти связаны своим происхождением с названием соседнего с новгородцами народа, называемого в летописи *вельядцы* или *вельязжане*, а также с рядом топонимических названий, заключающих ту же основу; ср., например, название городов *Вельяд* (Феллин), *Велье* (в Псковской земле), название реки — *Велья* и др. Некоторые из приведенных выше личных имен полностью совпадают с топонимическими названиями или производными от них, употреблявшимися в нарицательном значении: ср. личное имя Вельядъ и название города *Вельяд*; ср. личное имя Вельянъ и название жителей города *Вельи* — *вельяне* [«...а самих мужии велиянь посѣчению мечному предати» (Пск. лет., стр. 31)].

9

Об имени Гостило (-а). В грамоте № 2 это имя употреблено в родительном падеже: у Гостили. В такой же форме оно представлено в грамоте ок. 1452 г.: «...у посла у Кольваньского у Ивана и у Гостили два рубля...» («Грам. Вел. Новг.», стр. 127). Именительный падеж к этой форме — Гостила. В грамоте 1421 г. так именуется «кумендеръ велиядъчкыи»: Гостила, Гостѣла (там же, стр. 99—100). Были и другие имена с именительным на *-а* и родительным на *-и*. В грамоте № 2 к числу таких имен относится Жидила («у Жидили»). В упомянутой грамоте 1452 г. — Михаила («от... Михаили»). Ср. также: «Мѣхаила Юрьевичъ», «Михаила Ольфромѣвичъ», серед. XV в. (там же, стр. 99, 188). На соотносительность форм именительный падеж на *-а* // родительный на *-и* ясно указывают, между прочим, такие случаи их употребления: одна из новгородских грамот середины XV в. начинается словами: «Се куши игумень Василии у Гаврили...», а кончается: «А у печати стоялъ Гаврила» (там же, стр. 204). Речь здесь идет об одном и том же лице.

Наряду с формами на *-а* новгородцы употребляли и формы на *-о*: Михаила и Михайло, Дрочила и Дрочило, Твердила и Твердило, Гостила и Гостило. В Новгородской летописи (а также и других, например в Типографской, в Московском летописном своде) вельядский командор именуется Гостило²⁷.

Имя Гостило было одним из общеславянских имен. Оно было известно в Новгороде: в комментарии к грамоте № 2 М. Н. Тихомиров указывает, что уменьшительным от этого имени — Гостилец — в Новгородской летописи назван один из новгородцев. Это имя рано отразилось в новгородской топонимике: «Гостилово в Юрьевичах» — название деревни в грамоте 1610 г. («Арх. Стр.», II, стр. 185). Данные словаря Тушикова показывают, что оно употреблялось и в других западных областях, где жили восточные славяне. Вот несколько имен, извлеченных из западнорусских документов: «Гостило, крестьянинъ Хмельницкий, 1565 г.» (стр. 173); «Кондрать Гостиловичъ, полоцкий ратманъ, 1478 г.» (стр. 579); «Опанасъ

²⁷ О личных именах на *-а* и на *-о* см. в упоминавшемся труде А. А. Шахматова, стр. 204.

Гостиловичъ, крестьянинъ, 1585 г.» (там же). Имя Гостило употреблялось и у других славянских народов, например у сербов; ср.: «*gostilo, gostil*»²⁸.

С лингвистической точки зрения происхождение имени Гостило также не может вызывать сомнений. Оно образовано от общеславянской глагольной основы на *-и*: *гости-ти* при помощи суффикса *-ло*. Так же образованы имена: Дрочи-ло, Тверди-ло, Суди-ло, Томи-ло. Подобные имена производились и от других глагольных основ; ср.: Мазало от *мазать*, Нарывало от *на-рывать* и др. Такие существительные обычные и в современном русском языке, особенно в диалектах. Они употребляются обыкновенно в разговорной экспрессивной речи. К ним принадлежит, в частности: *зубрила, -о; чудила, -о; завирала, -о; объедала, -о*. И в XX в. подобные образования в диалектах становились прозвищами людей. Например, в череповецких говорах еще не так давно существовали такие прозвища: Лепило, Сочи-ло, Тюкалко (от Тюкало), Шаталко (от Шатало)²⁹. Не случайно, вероятно, также и то обстоятельство, что такие образования часто возникают, по крайней мере в диалектной речи, во время разговора с детьми. Так, в области севернорусских говоров мне приходилось слышать: «Эх ты, ходило!» — по отношению к ребенку, который пошел и шлепнулся. Или: «Читало какой!» — говорит сестра маленькому брату, который водит пальчиками по страницам книжки. Или: «Блудило» — говорит с раздражением мать ребенку, опрокинувшему кринку с молоком. Подобно тому, как в начале XX в. такие существительные-оценки становились прозвищами людей, так в древнерусскую эпоху подобные существительные могли становиться именами личными. От имен с глагольными основами на *-и* еще в древнюю эпоху был отвлечен суффикс *-ило*, при помощи которого стали образовывать личные имена от разных слов, в частности от прилагательных и существительных: Добрило, Шумило, Шипило, Петрило. Имена на *-ло* и *-ило*, если они были соотносительными с такими, как Доброслав, Твердислав и подобные, были, как мне кажется, не столько уменьшительными по отношению к последним, сколько бытовыми, обиходными³⁰.

То обстоятельство, что именем Гостило называется в исторических документах какое-то второе лицо после колыванского посла Ивана (см. цитату, приведенную на стр. 90), а также то, что этим именем называется вельядский командор, не может служить достаточным основанием для сомнений в русском (славянском) происхождении этого имени. Дело в том, что о народности лица, названного рядом с колыванским послом, мы ничего не знаем. Что касается вельядского командора, то, конечно, нет оснований думать, что он был восточным славянином. Однако так ли назывался этот командор в действительности, т. е. у себя дома, в Эстонии? И. А. Голубцов в «Указателе личных имен» к 25 т. «Полного собрания русских летописей» на стр. 408 приводит в скобках и другое наименование этого командора — Г о с в и н. Не является ли летописное имя этого командора — Гостило — результатом так называемой народной этимологии? О русском происхождении имени Гостило свидетельствует и отказ А. Каска разъяснить это имя на материале эстонского языка (см. стр. 24).

²⁸ F. Miklosich, Die Bildung der slavischen Personennamen, в кн. «Die Bildung der slavischen Personen- und Ortsnamen» («Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher», III, 5), Heidelberg, 1927, стр. 7.

²⁹ См. М. Р. Герасимов, Словарь уездного череповецкого говора, «Сборник Отд-ния рус. языка и словесности Имп. Акад. наук», т. 87, № 3, СПб., 1910, стр. 54, 85, 88, 96.

³⁰ Об именах на *-ло* см. статью А. И. Соболевского «Из истории уменьшительных слов», сб. «Лингвистические и археологические наблюдения», вып. II. Варшава, 1912, стр. 1—3.

О датировке берестяных грамот. Берестяные грамоты датируются авторами книги по данным археологии и палеографии. В отношении большинства грамот мнения авторов согласуются вполне: грамота № 9 датируется XI в., грамоты №№ 7 и 8 — XII в., грамота № 6 — XIII в., грамоты №№ 3 и 4 — XIV в. В датировке остальных грамот имеются некоторые расхождения:

	По данным археологии	По данным палеографии
Грамота № 1	XIV в. (стр. 60)	начало XV в. (стр. 18)
» № 2	XIV в. (стр. 61)	конец XIV — начало XV в. (стр. 22)
» № 5	конец XIII — начало XIV в. (стр. 61)	1-я пол. XIV в. (стр. 32)
» № 10	XIV — начало XV в. (стр. 61)	XV в. (стр. 43)

Весьма вероятно, что в отношении многих грамот показания орфографии и языка подтвердят даты, устанавливаемые по археологическим и палеографическим приметам, однако в отношении некоторых грамот эти показания могут и не совпасть. Например, грамота № 9 датируется в издании XI в., но если принять предлагаемое М. Н. Тихомировым чтение в ней места *изби* как и *сбил*, то вряд ли эту грамоту можно будет датировать XI в., так как в слове *зби* в таком случае придется видеть результаты изменений, происходивших после утраты редуцированных. Грамота № 8 датируется в издании XII в., между тем в ней имеется слово (если, разумеется, следовать принятому в издании чтению) со вторым полногласием, хотя бы и нефонетического происхождения, — *молови*³¹. В «Очерке древнейшего периода истории русского языка» А. А. Шахматова, где имеется лучшее собрание извлеченных из памятников письменности примеров, отражающих второе полногласие (§ 424), нет примеров старше XIII в.³² Среди имеющихся в этом труде примеров есть и слово с тем же корнем: «безмолвия (Новг. прол., 1262 г.)». Таким образом, на основании языковых данных эта грамота не может быть датирована XII в. Она относится ко времени более позднему. Конечно, можно высказать предположение, что второе полногласие существовало уже в XII в. Однако это должно быть доказано при помощи данных датированных памятников или таких памятников, время написания которых не может вызывать сомнений. Из сказанного следует, что одна из неотложных задач лингвистического изучения берестяных грамот состоит в том, чтобы выяснить отношение отраженных в них языковых явлений, во-первых, к принятой историками русского языка хронологии соответствующих явлений, во-вторых, к тем историческим датам, которые устанавливаются для памятников берестяной письменности по данным археологии и палеографии.

*

На этом мы закончим наши заметки. В заключение пожелаем советским археологам еще большего успеха в открытии новых источников истории русского народа и его языка, а авторам книги, которой посвящены эти заметки, полного успеха в их труде над научным изданием грамот на бересте, найденных в 1952 и 1953 годах.

³¹ Это место грамоты № 8, как уже говорилось выше, можно читать и по-другому.

³² См. А. А. Шахматов, Очерк древнейшего периода истории русского языка («Энциклопедия славянской филологии», вып. 11, 1), Пг., 1915, стр. 276—279.